

дем иметь весь основной материал для истории сказаний о взятии Константинополя турками в старинной письменности.

VI

Трагическая судьба Царьграда в 1453 году несомненно возбуждала живой интерес на Руси. Появлению письменных переводных и оригинальных произведений предшествовали слухи и устные сообщения, приносимые людьми или из «греческих» земель, или с Запада. Последнее особенно могло усилиться после начала переговоров о браке Зои Палеолог с великим князем. Конечно, эти устные сказания, подчас отрывочные, отдельные слухи непосредственно нам теперь недоступны в том виде и количестве, в каком они тогда расходились, но отзвуки их мы все же имеем возможность уследить в современной письменности. Я имею в виду те известия о Константинополе и его гибели (не зависящие от известных нам письменных специальных памятников), которые по своему фольклорному характеру могут быть возведены к устным рассказам как своим источникам.

Что такие рассказы действительно существовали, не только можно предполагать, но можно привести и фактические данные, притом от довольно раннего времени. Достаточно припомнить грамоту митрополита Ионы, данную в 1454 году Дмитрию Греку для сбора милостыни: «сесь... человек христианин православный, на имя Дмитрей, гречин пришел до нас от великого... того царствующего Константинаграда и поведал нам, что попущением божим, грех наших, от коликих лет не приемлемый и богом хранимый великий Константиноград безбожные туркове приаша, святых божия церкви и монастыреве разориша и святых мощи изожгоша, старцев же и стариц и иноков и инокинь, и весь греческий род многолетних огню и мечу предаша, а уных и младых в плен поведоша».¹ Ясно, что все это попало в грамоту со слов пропителя.

К таким отзвукам устных рассказов, записанных и обработанных человеком, осведомленным и интеллигентным, я склонен отнести и одно место из записки о бегстве вел. кн. Софии в Белозерский край, попавшей в Софийский временник под 1481 годом.² Составитель³ этой записки желает побудить сынов русских не щадить голов своих на защиту отечества от поганых: «да не узрят очи ваши пленения и ограбления святым церквам и домом вашим и убиения чад ваших, и поругания женам и дщерям вашим, якоже пострадаша инии велици славнии земли от турков, еже Болгаре, глаголю, и рекомии Греки, и Трапезонь, и Амория, и Арбанасы, и Хорвати, и Босна, и Манкуп, и Кафа, и инии мнозии земли. иже не сташа мужествени... Тако ми бог дал, видех своимя очима грешныма великих государь, избегших от турков... скитающихся, яко страннии».⁴

Из того же устного источника идут и встречающиеся в летописных текстах сообщения о взятии Царьграда, большей частью помещаемые под 1453 годом среди известий о русских событиях, после смерти Ше-

¹ Акты исторические, т. I. 1841, № 264, стр. 496.

² Софийский временник, II. М., 1820—1821, стр. 221—222. Тот же текст в Соф. II летописи (ПСРЛ, VI, стр. 232), а также во Львовской (ПСРЛ, XX).

³ С. М. Соловьев приписывает эту запись дьяку Курицыну, А. А. Шахматов — архиеп. Вассиану, В. С. Иконников считает ее записанной со слов Константина Грека, впоследствии Кассиана Углицкого (см.: В. С. Иконников. Опыт русской историографии Киев, 1908, II, 1, стр. 911—912).

⁴ Ср. несколько иной перечень царств в плаче (ПСРЛ, XXII, стр. 439).